

УДК 811.161.1373.2(082)

Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики

Климкова Л.А.

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (ННГУ)
им. Н.И. Лобачевского, Арзамас (Россия)*

В статье прослежен в общих чертах путь развития российской топонимики, актуализированы его отдельные этапы. Цель статьи – выстроить общую линию развития российской топонимики и её объекта – топонимии, сосредоточив внимание на отдельных явлениях как результате динамики.

***Материал и методы.** Определение этапов развития российской топонимики и её объекта осуществлено на основе изучения научных источников разных лет, с привлечением фактического материала, в том числе из нижегородского топонимного пространства, с использованием общенаучных методов (дескриптивного, сравнительно-сопоставительного) и частных (компонентного, метода обобщения и др.).*

***Результаты и их обсуждение.** На базе накопленных более чем за два столетия онимических, в том числе топонимических фактов, их осмысления в плане значимости для истории народа, языка, культуры в 20-е гг. XX в. в Советском Союзе сложилась топонимика, как раздел ономастики. В ней постепенно формировалась методология, методика, терминология, определялись связи с другими науками. Расцвет русской, советской топонимики пришелся на 60-70-е гг. XXв. Были исследованы разные пласты многих полиэтнических регионов страны, многих национальных республик, в том числе Белоруссии. В плане совершенствования методов исследования топонимика прошла путь от чисто описательного к когнитивизму и антропоцентризму, в целом – к полипарадигмальности. Динамика топонимики соотносительна с динамикой её объекта – топонимии, причем во всех её аспектах: типологии (в результате – многомерной, разветвленной), принципов номинации, способов деривации, мотивации и степени мотивированности.*

***Заключение.** Российская, русская топонимика, пройдя значимые исторические этапы (досоветский – советский – постсоветский) в результате интенсивного развития в течение XX в., предстает обогащенной во всех её аспектах.*

***Ключевые слова:** российская топонимика, топонимия, метод, полипарадигмальность, принцип номинации, ряды топонимов, ойконимия, урбанонимия, переименование.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 107–115)

Russian Toponymy and its Object in the Aspect of Dynamics

Klimkova L.A.

Arzamas branch of Nizhny Novgorod State N.I. Lobachevskiy University, Arzamas (Russia)

The article considers the general outline of the development path of the Russian toponymy, its separate stages are actualized. The aim of the article is to show the whole line of the Russian toponymy development as well as its object, focusing on particular phenomena as the results of dynamics.

***Material and methods.** The determination of the development stages of the Russian toponymy and its object is based on the study of scientific sources of different time range, involving the factual material including the toponymic space of the Nizhegorodski region, using general scientific methods of research (the descriptive method, the comparative method) and private ones (the component method, generalization, etc.).*

***Findings and their discussion.** Toponymy as a unit of onomatology appeared in the 20-es of the XX century in the Soviet Union. It was based on the toponymic factors, which had been accumulated over more than two centuries, and what is more – understanding the importance of the history of the nation, its language and culture. It was gradually forming the methodology, methods and terminology; the relations with other sciences were determined. Russian Soviet toponymy flourished in the 70-80-ss of the XX century. Most of the polyethnic regions, national republics including Belarus were studied. Speaking about the improvement of methods of the Russian toponymy, it went from a purely descriptive to the cognitivism and anthropocentrism, in general – to the polyparadigm. The dynamic of the toponymy is correlated with the dynamic of its object in all the aspects:*

typology (the multidimensional, branched one as a result), the principles of the nomination, methods of derivation, motivation and the degree of motivation.

Conclusion. *The Russian toponymy, which came through significant historical stages, and as a result of intensive development (pre-Soviet, Soviet, post-Soviet stages) during the XX century, has appeared to be enriched in all its aspects.*

Key words: *Russian toponymy, method, polyparadigm, the principle of nomination, types (categories) of toponyms, oikonimy, urbanonimy, renaming.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 107–115)

Любая наука проходит стадию становления, на которой эксплицируется возникший до того (может быть, задолго) интерес к тому или иному явлению в жизни природы и человека. Затем следует сбор, накопление фактов относительно этого явления, осмысление их и тем самым онтологической сущности явления, систематизация. На этапе анализа добытых фактов окончательно определяется суть, характер, значимость объекта познания, вырабатываются исследовательские подходы к нему, методы, формируется терминология – происходит выделение науки, ее оформление как отдельной отрасли знания в системе наук с определением ее места в этой системе. Дальнейшая жизнь науки предполагает ее совершенствование, обогащение во всех составляющих, в том числе через смену и/или актуализацию научных парадигм, приток исследовательских сил и идей. Такой путь прошла, проходит и российская, в том числе русская топонимика.

Цель данной статьи – выстроить общую линию развития российской топонимики и ее объекта – топонимии, сосредоточив внимание на отдельных явлениях как результате динамики, актуализировав в ряде случаев белорусскую составляющую в общей топонимике.

Материал и методы. Определение этапов развития российской топонимики и ее объекта осуществлено на основе изучения научных источников разных лет и справочной литературы. Отдельные явления как результат развития топонимного пространства проиллюстрированы фактическим материалом, зафиксированным в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье как полиэтнической историко-культурной зоне. Методы анализа теоретического и фактического языкового материала (из общего интерпретационного поля) – описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный, метод обобщения, соотнесения проспекции и ретроспекции в процессах интеграции и дифференциации.

Результаты и их обсуждение. Российская топонимика и в целом ономастика – наука молодая. В России в XVIII веке, когда дифференциация филологического научного знания только еще намечалась, на имена собственные (ИС) обратил внимание М.В. Ломоносов, в своем труде «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» он выделил «имя вещи собственное <...>, которым обыкновенно что-нибудь на-

зывают, н.п.: Москва, Александр» (§ 18), подвел имена нарицательные и собственные на основе различия их значений под категории род – вид, оперируя примерами топонимов: «Родом называется подобие особенных вещей. Такое подобие видим мы Невы с Двиною, Днепром, Волгою, Вислою и с другими, в море протекающими великими водами, и оно называется одним словом – река, которое значит род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла суть виды» (§ 14), коснулся (через призму риторических приемов) этимологического прочтения ИС (на примере антропонимов) на базе нарицательных имен (§ 34, 36), привел примеры использования ИС, в основном антропонимов, в качестве риторических, изобразительных средств (§ 84, 85, 86). Некоторые наблюдения по поводу ИС, в том числе топонимов, находим у В.К. Тредиакковского, А.П. Сумарокова, В.Н. Татищева, Д.И. Иловайского и др. В дальнейшем, в течение более двух столетий, шло постепенное накопление фактов на основе наблюдений за ИС, их значением, значимостью, функционированием. Их углубленная разноаспектная интерпретация привела к мотивированному осознанию исторической, историко-географической, историко-культурной, историко-лингвистической значимости ИС, топонимов в жизни этноса (этносов), их роли. Для этого понадобились усилия многих исследователей – географов, историков, лингвистов, культурологов и др. Активное накопление фактов, их систематизация, интерпретация, осуществляемые представителями разных наук – языковедами, историками, географами, в числе которых А.Х. Востоков, Н.И. Надеждин, Н.П. Барсов, М. Морошкин, И. Добровский, Я. Колар, Ф. Палецкий, Ф. Миклошич; А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, Ф. Фасмер, Я. Розвадовский, П. Скок, Ст. Младенов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг, С.К. Кузнецов, П.Л. Маштаков и др., относятся к XIX – началу XX вв. [см.: 1, с. 36; 164-174]. В результате была подготовлена основательная почва, созданы мощные предпосылки для выделения ономастики как самостоятельной науки, топонимики в ее составе (и антропонимики), что и произошло, считается, в 20-е гг. XX века [1, с. 37] уже в границах другого государства – СССР. Время становления топонимики как науки отражено, хотя и своеобразно, в энциклопедиях. Так, в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона нет словарных статей *Ономастика*, *Топонимика*. В Малой совет-

ской энциклопедии, в которой редактором отдела «Языковедение и филология» был профессор Д.Н. Ушаков, нет словарной статьи *Топонимика* при наличии словарной статьи *Ономастика* (тем самым констатации факта существования науки), в которой в качестве объекта названы и географические имена. В целом же дефиниция отражает уровень развития данной науки: «*Ономастика* (греч.) – учение об именах собственных, преимущественно племенных и географических. Последние являются чрезвычайно устойчивыми, поэтому служат нередко одним из данных для установления древних насельников к.-н. территории (например, финнов в Центр. России, давших название Москва-реке), народных переселений и их направлений (например, название Десны, то есть «правой», левого притока Юж. Буга, указывает на славянам, шедшим вверх по течению, этот приток приходился справа)» [2, с. 84].

В Большой советской энциклопедии помещены довольно пространственные статьи *Топонимика* и *Ономастика* (при отсутствии статьи *Антропонимика*). В них обращает на себя внимание терминологическая сторона, в частности: *топонимика* – совокупность географических названий, *топонимия* – наука о них, оперирование терминологическим сочетанием *топонимические наименования*. В статье содержится информация о характере науки, об исторической значимости, о ценности топонимических наименований для других наук. См.: «Топонимика (греч. *topos* – место, *опута* – имя) – совокупность географических названий в какой-либо стране, на какой-либо территории (наименования населенных пунктов, рек, озер, гор и др.). Поскольку топонимика является частью словарного состава языка, то наука, изучающая топонимические наименования, – топонимия – прежде всего наука лингвистическая. Основным свойством топонимических наименований является их устойчивость, живучесть, в силу чего они служат древнейшими памятниками, позволяющими проникать в глубину человеческой истории, культуры и языка. Многие топонимические наименования свидетельствуют о создавших их различных племенах и народах, сменявших друг друга. Наименования, различные по происхождению, также различны и по своему смыслу: иногда они обозначают строение и форму земной поверхности, иногда содержат названия животных, птиц, растений, порой сохраняют память о минувших событиях (Пятигорск, Красноярск, Волоколамск, Сокольники). Устойчивость топонимических наименований дает возможность выявлять те элементы в языке, которые давно исчезли из его современного словарного состава. При помощи топонимики могут быть обнаружены иноязычные элементы в данном языке или древние диалектные черты, могут быть вскрыты интересные явления в области исторической лексикологии, синтаксиса и фонетики. Топонимика

широко используется для изучения так называемого языкового субстрата <...> (например, выявления славянского субстрата в топонимических наименованиях Балканского п-ова и Восточной Германии или кельтского субстрата в топонимических наименованиях Франции). Она дает также ценный подсобный материал для истории, этнографии, археологии и ботаники. При помощи топонимики могут быть определены территориальные границы различных народностей, могут быть установлены такие исторические факты, как передвижение или смешение племен и народов, племенной состав населения и т.п. Топонимические наименования могут дать интересный материал для определения характера местности или растительности в далеком прошлом, а также помогают иногда определить первоначальное занятие населения того или другого города, района, местности (например, Соликамск, Кожевники и др.)» [3, с. 663].

В словарной статье указана литература, в частности, работы С.Б. Веселовского «Топонимика на службе у истории» (1945 г.), В. Семенова-Тян-Шанского «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест?» (1924 г.), В.Б. Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири» (1925 г.) и др. Научным редактором отдела «Литература и язык» энциклопедии и членом Главной редакции был В.В. Виноградов, редакторами-консультантами – известные ученые Б.А. Серебrenников, П.С. Кузнецов, В.М. Жирмунский, А.Б. Шапиро и др.

В статье *Ономастика* этого издания приводятся два значения и оба с гиперсемой 'наука': 1) наука о собственных именах, названиях родов, племен, народностей, наций (с отсылкой к статье *Этнонимика*), и о географических названиях (с отсылкой к *Топонимика*); 2) отрасль общественных наук вообще и, в частности, языкознания, посвященная изучению личных собственных имен, отчеств, фамилий (семейных и родовых имен), и далее приводится информация о происхождении, образовании, значимости имен в соответствии со вторым значением. И только в конце статьи есть фраза «Данные топонимики помогают решению вопроса об этническом составе ранних поселений» [3, с. 35].

В 3-ем издании БСЭ в статье *Топонимика* (автор – В.П. Нерознак) уже иначе разграничены термины *топонимика* и *топонимия*, дается понятие о *микротопонимии*, о прикладном аспекте топонимики, наряду с информацией о значимости топонимики и ее связях с другими науками. Объемной в этом издании является и статья *Ономастика*, написанная А.В. Суперанской, соответствующая современному, более высокому уровню развития науки, нежели в 20-30-х гг. XX века. Информация об ономастике и ее разделах, в том числе о топонимике, дается и в после-

дующих энциклопедических, общих и аспектных – лингвистических, а также в терминологических словарях. Показательна, например, объемная словарная статья *Топонимика*, написанная В.П. Нерознаком, включающая виды топонимов по разным признакам, а также статья *Ономастика* под авторством Н.В. Подольской в Лингвистическом энциклопедическом словаре (гл. ред. В.Н. Ярцева, 1990).

Топонимическая работа в СССР возобновилась сразу после Великой Отечественной войны публикациями, в которых был реализован исторический подход к топонимии СССР: С.Б. Веселовского «Топонимика на службе истории» (1945 г.), А.И. Попова «Топонимика как историческая наука» (1947 г.), его статьями по топонимии Восточной Европы, Белозерского края, Карелии, по мордовской, финно-угорской, самодийской топонимии и др.

Бурное же развитие отечественной ономастики и топонимики как ее составляющей относится к 60-70 гг. XX века. В это время активно проводились совещания, конференции, выходили сборники их материалов, научные сборники статей, посвященных различным проблемам топонимики, развернулась топонимическая работа в вузах страны. Были изданы фундаментальные труды В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» с приложением этимологического словаря гидронимов и 13 карт (1962 г.), В.А. Никонова «Введение в топонимику» (1965 г.), «Краткий топонимический словарь» (1966 г.), В.А. Жучкевича «Общая топонимика» (1968 г.) и др. Исследованы разные пласты топонимии ряда регионов России: балтийская топонимия русских территорий (В.Н. Топоров), дославянская топонимия Пинежья (Г.Я. Сими́на), славянизация топонимии Новгородчины (Н.В. Подольская), становление восточнославянской топонимии (Ю.А. Карпенко), русская гидронимия Сибири (И.А. Воробьева), дорусская топонимия Севера и Средней Сибири (А.К. Матвеев), тюркская топонимия Центра (Э.М. Мурзаев и др.), финно-угорская (А.И. Попов, Ф.И. Гордеев, И.К. Инжеватов, А.Н. Куклин и др.). Активно велась топонимическая работа и в национальных республиках, ставших затем, в 90-е годы, ближним зарубежьем. Так, заметный вклад не только в национальную, но и общую топонимику (и ономастику) внесли белорусские ученые: Н.В. Бирилло, В.А. Жучкевич, Я.М. Адамович, И.Я. Яшкин, В.П. Лемтюгова, а также позднее – В.В. Шур, А.М. Мезенко, А.Ф. Рогалев и др. В эти годы сложились топонимические коллективы, школы, центры в разных городах страны, помимо Москвы и Ленинграда: в Свердловске (А.К. Матвеев), Томске (А.П. Дульзон), Перми (Ю.Г. Вылежнев), Ульяновске (В.А. Никонов, В.Ф. Барашков), Горьком (Л.Л. Трубе), Муроме

(В.И. Тагунова), Пензе (В.Д. Бондалетов), Ярославле (Г.Г. Мельниченко), Тюмени (Н.К. Фролов) и др. Создателем белорусской топонимической школы является В.А. Жучкевич [см. его работы: 4, 5]. Через участие в международных конференциях, конгрессах, симпозиумах укреплялись контакты ученых разных стран, тем самым отечественная ономастика, топонимика вливалась, встраивалась в пространство мировой науки. Эти процессы взаимного научного обогащения продолжаются.

В последние десятилетия XX – начале XXI вв. топонимика и вся ономастика развивалась как в русле традиционных направлений, так и актуализировавшихся в соответствии с новыми парадигмами знаний. Динамика проявилась, проявляется по линии методологии, методов исследования географических названий, причем как общенаучных, так и частнонаучных. Так, например, описательный метод со всеми его этапами постепенно «обрастал» другими, в числе которых: исторический, этимологический, географический, историко-географический, ареальный, лингво-географический, картографический (см. работы В.А. Никонова, А.И. Попова, Э.М. Мурзаева, Е.М. Пospelова, В.А. Жучкевича и др.), а также: компонентный, стратиграфический, количественных подсчетов и в целом статистический, сопоставительный, сравнительный, сравнительно-исторический и др. В последние десятилетия в связи с появлением и введением в научный оборот новых разрядов имен, в том числе виртуального пространства, интернет-пространства, результатов нейминга, потребовались новые методы исследования (типа кейс-метод, контент-анализ), активный поиск, разработка которых сейчас ведется.

Современную топонимику отличает полипарадигмальность. Методологическую основу топонимики составляют традиционные научные устои лингвистики: *системность*, структурно-системно-содержательный (или смысловой; не просто семантический, поскольку имеется в виду не только связь с денотатом, референтом, но и шире – с историческим, этническим, социальным контекстом) принцип описания топонимии как части языка и *историзм*, а также научные парадигмы, актуализировавшиеся в конце XX – начале XXI вв., – *когнитивизм* и *антропоцентризм*, входящие, по большому счету, к традициям в отечественном языкознании в решении проблем *язык и мышление, язык и общество*. В соответствии с этими парадигмальными установками топонимия рассматривается через призму феноменов: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, онимическая (топонимическая) картина мира, общеэтническая картина мира, индивидуальная картина мира, онимическое (топонимическое) пространство, онимическое (топонимическое) поле, языковая личность и др.

С течением времени исходя из стратегии изучения географических названий сложилось соотношение (по принципу встраивания): *общая топонимика*, занятая решением проблем, актуальных для топонимических пространств разных, всех языков, рассматривающая инвариантные явления, свойственные как факт любой топонимии, универсальные (универсальна как факт и сама топонимия); *национальная*, исследующая топонимическое пространство одного языка, вскрывающая его специфику исходя из географических, исторических, этнических и иных факторов жизни нации в разные времена ее формирования и существования; *региональная*, описывающая, интерпретирующая топонимию отдельного региона (отдельных регионов) как историко-культурной зоны; *локальная*, или *микротопонимика*, рассматривающая географические названия, функционирующие в отдельной микросистеме, – микротопонимию, при этом локальная топонимика является составной частью региональной; а также *литературная*, рассматривающая жизнь топонимов в художественной литературе как поэтонимов; *прикладная*, занимающаяся проблемами орфографии, транскрипции, стандартизации и нормализации российских и зарубежных топонимов, русской передачи топонимов нерусскоязычных территорий, что имеет важное юридическое значение (см. работы Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, М.В. Горбаневского, З.В. Рубцовой и др.).

В последние десятилетия произошла и значительная детализация терминологии [см., в частности: 6, с. 14–18].

В течение второй половины XX – первых десятилетий XXI вв. продолжался активный сбор топонимов всех разрядов разных территорий, в результате собирательской деятельности накоплен огромный объем фактического материала. Описание его осуществляется в основном в направлениях, очерченных еще в 60-е годы, в их числе: типология топонимов по разным параметрам (по характеру, виду объекта, по языковой принадлежности, по типу номинации, по отношению к внутренней форме и др.); структурно-словообразовательный аспект; синхрония – диахрония (статика – динамика); историко-этническое осмысление; системные связи; функционирование; лексикографическая обработка и др.

Движение во времени пронизывает все стороны жизни объекта топонимии – географических названий. Это проявляется, в частности, в области принципов и типов номинации географических объектов. Существуют самые общие типы номинации: *кваликативная*, отражающая собственные признаки объекта (форму, цвет, протяженность, устройство, размеры и т.д.), а также характер местности; *релятивная*, *относительная*, фиксирующая связи с другими объектами (предметная), а также отношение к человеку (непред-

метная, в том числе посессивная, передающая значение, отношение притяжательности, принадлежности); возможна *совмещенная*, объединяющая оба вышеназванные типа, обычно в неоднородных единицах вроде *с. Борисово Поле, д. Дунаевы Поляны, д. Ильина Гора* [см.: 7, с. 100]. В рамках этих типов проявляются частные принципы номинации: по конкретным природным свойствам объекта, по характеру местности; по связи объекта с занятием, промыслом, ремеслом человека; по первопоселенцу, обладателю, благодетелю, владельцу; посессивность привела к мемориальности, созданию названий-посвящений. Учеными отмечается, что именно такая последовательность отражает развитие топонимии, причем на первом этапе (по природным свойствам объекта и местности) номинация осуществлялась прежде всего на основе географической терминологии. Ср. в нижегородской топонимии: *р. Железница* (по специфическому вкусу воды и ржавой плёнке из-за месторождения руды), *р. Вадок* (от мордовского вад/ведь «вода»), *р. Козуля* (на берегах пасутся козы), *р. Колесенка* (колесит, петляет), озера *Белое* (по чистой, белой воде), *Ветла* (по деревьям), *Великое* (большое), *д. Белая Поляна* (добывали белую глину), *с. Болотница* (рядом болота), *д. Заболотье* (в заболоченной местности), *д. Журавижное, д. Жеравижное* (от диалектных журавига, жеравига «клюква»), *д. Медвежий Лог* (по медведям), *п. Пасека* (по занятию жителей пчеловодством), *д. Бебяево* (от морд.языческого имени Бебйя), *д. Орлиха* (первопоселенец Орёл), *д. Безруково* (основал Безруков), *с. Паново* (по переселенцам из Белоруссии, которых, а также их потомков называли панями), *д. Бебяево* (по фамилии владельца), *с. Варварское* (по преданию, принадлежало барыне Варваре), *с. Васильевка* (основано помещиком Василием Гончаровым в конце XVIII в.), *с. Знаменка* (по церковному престолу), *р.п. Воскресенское* (церковное название), *г. Володарск* (в честь революционера М.М. Володарского) [см.: 8], *п. Первое Мая* (четыре населенных пункта), *п. Первомайский* (два), *д. Ленино, с. Ленинское* (в честь В.И. Ленина) и др. Актуализация принципа посессивности была связана в свое время с усилением частного, помещичьего землевладения. Он сохранял свою действенность вплоть до Октябрьской революции и оставил значительный след в названиях населенных пунктов по фамилиям, именам бывших владельцев поместий (например, села *Мерлино, Веригино, Семеново, Мотовилово, Замятино, Водоватово, Саблуково, Виняево, Степаново* и мн. др.), а также в названиях мелких объектов – полей, лесов, лугов, оврагов, прудов и т.д.

В русле этого принципа появилась тенденция, а затем закономерность отражения принадлежности церкви, монастырям. Отмечаются многочисленные названия культового, религиозного содержания: сел по соответствующим приходам, улиц

по близрасположенным церквям, монастырям, например: села *Воскресенское, Знаменское, Ильинское, Архангельское, Спасское, Богоявление* и мн. др.; в арзамасской урбанонимии – улицы *Рождественская, Алексеевская, Ильинская, Софийский переулок*. На базе этого же принципа развилась тенденция, закономерность создания мемориальных названий (*лат. memorialis «памятный», memoria «память»*), названий-посвящений, данных в честь кого-то (святого покровителя, царя, героя и т.д.). В результате ее действия на карте нашей страны в разное время появились названия типа *Санкт-Петербург, Екатеринбург, Екатеринбург, Екатеринбург, Николаевск, канал Романовский* и др., многочисленные названия сел и деревень типа приведенных выше, а также урбанонимы. См., например, свидетельство А.М. Мезенко, касающееся белорусской урбанонимии: «Первые названия мемориального характера в честь видных чиновников и государственных деятелей появились во 2-ой половине XIX в. Это были *Скобелевская улица* в Минске и Гомеле, *Александровская улица* в Бресте, *проспект Генерала Рихтера, проспект Князя Трубецкого* и т.п.» [9, с. 23]. Мемориальными, по большому счету, являются (и являлись изначально) названия, например, населенных пунктов, улиц, данные в честь основателя, первопоселенца, благодетеля, но только это была в свое время естественная закрепляемость (закрепленность) имени человека за географическим объектом (родился, жил, облагораживал объект, трудился на нем, прославился, погиб и др.), притом локальная в смысле диапазона проявления, действия. Следовательно, принцип мемориальности – это не порождение советской эпохи, как многие сейчас представляют. В советское время лишь были расширены рамки мемориальности, причем своего рода внелокальной: название давалось в честь человека, непосредственно не связанного с именуемым географическим объектом, знаменитого, известного не только в данной местности, но и в масштабах всей страны и даже всего мира, – писателя, художника, ученого, героя, государственного деятеля, политика. Кроме того, тенденция к мемориальности захватила уже названные объекты, что привело к переименованию, волны которого неоднократно прокатывались по стране. При этом создавались топонимы-посвящения не только конкретным лицам, но и лицам в обобщенном понимании, а также различным явлениям, понятиям идеологического характера (например: п.п. *им. Степана Разина, Путь Ленина, Ленинская Искра, Возрождение, Заря, Идеал, Красная Звезда, Красный Восход, Первое Мая, Большевик, Коммунар, улицы К. Маркса, Советская, Свободы, Революции, 1-го Мая, Победы, Мира* и др.) .В советское время родилась и укрепилась стандартная топонимическая модель городов нашей страны, в центре которой находились названия, связанные

с именем вождя революции и его соратников, а также с понятиями идеологического характера. Активизировался генитивный тип имен – с формой родительного падежа имени (*улицы Ленина, Калинина, Кирова, Коммунистов*). Кстати, имена такого типа появлялись и в досоветское время, например, в Арзамасе были *улицы Сальникова, Цыбышева*, правда, редкие на фоне атрибутивных. Показательны наблюдения А.М. Мезенко на материале белорусской урбанонимии. Она отметила, что в экклезионимном поле генитивная модель использовалась «в самом начале формирования урбанонимной системы (*церковь Св. Духа*)», в поле же названий линейных объектов (годонимном и агоронимном) зафиксирована лишь одна генитивная единица в XVIIв., затем такие образования начали появляться лишь в начале XX в., а в советское время эта модель превратилась в самую продуктивную [9, с. 42, 43, 46; ср.: 10, с. 26]. В силу высокой концентрации топонимов-производных по этому принципу номинации и генитивной модели, а также многочисленных переименований топонимии советского периода и процесс ее становления противниками советского строя характеризуется не иначе, как «новоделы советского времени», «карнавалы топонимии», «конъюнктурные топонимы», «топонимический новояз», «топонимический сель», «топонимический пантеон», «топонимическая катастрофа», «топонимическая диверсия», «топонимический Чернобыль» и даже «топонимический геноцид» (ср.: геноцид).

Именно с расширением, трансформацией релятивного принципа номинации в части *отношение к лицу*, с появлением принципа мемориальности и движением его от локальной, региональной к этнической, государственной возникла проблема соотношения естественной и искусственной номинации, а также – именованности и переименования объектов, ведущего к появлению названий-посвящений.

Искусственные названия – это всегда результат волевого акта, отражающего желание власть предержащих увековечить память о тех или иных лицах, событиях, явлениях сообразно господствующей идеологии. Поэтому они, будучи мемориальными (меморативами), имеют социально-идеологическую, политическую подоплёку. Со сменой идеологии, форм собственности, государственного строя происходит переоценка таких названий, затрагивающая и достойных сохранения как свидетелей, своеобразных памятников истории и культуры. Именно по отношению к этой зоне топонимического пространства возникает проблема переименования, которое может происходить волнообразно. Такие волны прокатились по России в XX веке. Первая волна – это переименования первых десятилетий после Великой Октябрьской социалистической революции: города Вятка → Киров, Екатеринбург →

Свердловск, Козлов → Мичуринск, Екатеринослав → Днепропетровск, Александрополь → Ленинск, Сергиев Посад → Загорск, Симбирск → Ульяновск и др.; вторая волна – 40-60-е гг.: Чембар → Белинский (с 1948 г.), Тильзит → Советск (с 1946 г.), Кёнигсберг → Калининград (с 1946 г.), Гжатск → Гагарин (с 1968 г.), Мелекес → Дмитровград (с 1972 г.) и др., третья волна берет свое начало с горбачевской перестройки. Переименование этого периода приняло вид возвращения прежних названий, замененных в советское время; таким образом, налицо временные цепочки: Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург, Самара – Куйбышев – Самара, Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород, в ряде случаев цепочки более протяженные: Елизаветград – Зинovieвск – Кирово – Кировград – Елизаветград, Санкт-Петербург (Петербург) – Петроград (1914-1924) – Ленинград (1924) – Санкт-Петербург. Переименование-возвращение прошло и в урбанизации, каждый знает это по своему городу. В Арзамасе, например, вернули названия Гостиный ряд (б. Кооперативная улица), Николаевский монастырь (б. Комсомольский городок), площадь Соборная (б. Красная – Базарная – Ленина) [11].

В свое время процесс переименования, в частности ойконимов, сопровождал христианизацию края. Ср.: с. *Инеley* (от эрзянских слов ине «большой» и лей «речка, овраг, ручей») – с. *Богоявленское*, д. *Колотуха* (от колотуха «неровная дорога, на которой путников колотило, или лес, пригодный только на дрова») – *Ильинское* (по церковному престольному празднику), д. *Новая Деревня* – с. *Новоблагодеевское* (от церковного престола), д. *Матвеевка* (место выбрано Матвеем) – *Преображенка* (строительство деревни начато на праздник Преображения), с. *Люнда* (по реке Люнде/Линде, от марийского илемде «нежилая» или индоевропейского мендан «долина») – *Владимирское* (церковное, сменившее прежнее в XIX в.), с. *Ошпире*, *Кузатово*, *Кудиново* (мордовские названия), *Костино* (русское) – *Вознесенское* (церковное, сменившее прежнее названия в XIX в.) и др. [см.: 8].

Приведенные единицы и множество других, подобных свидетельствуют также о смене топонимных пластов по мере освоения края и формирования соответствующей историко-культурной зоны, о соотношении субстратной и суперстратной топонимии, в нашем случае, в Нижегородском Правобережье, Окско-Волжско-Сурском междуречье, это финно-угорский (мордовский, марийский, мерянский и др.), тюркский – тот и другой субстратные, славянский, русский пласты.

Явление переименования имеет отношение к разграничению официальной-неофициальной топонимии. Смена топонимов ведет к полионимии, причем сосуществование единиц полионимной пары имеет временный характер: обе функцио-

нируют, пока живы поколения, пользовавшиеся прежними названиями как единственными. Через поколения (два-три) замененные названия уходят в пассив системы, становясь историзмами, а затем - и совсем из нее, сохраняясь в исторических документах, в краеведческой литературе. Например, в Нижегородском крае: с., *р.п. Ташино* (по имени жены основателя поселения - сына Н.М. Карамзина, Натальи Васильевны Оболенской, которую по-домашнему называли Ташей) – *г. Первомайск*; с. *Теплый Стан* (по преданию, название было дано Иваном Грозным, потому что, по одной из версий, он был тепло встречен населением во время его похода на Казань) → *Сеченово* (в честь ученого-физиолога И.М. Сеченова, уроженца села; село было переименовано в 1945 г. к 40-летию со дня смерти ученого) [ср.: 8].

Иное дело с единицами, появляющимися как вторичные на базе официальных топонимов. Как правило, такие названия имеют статус вариантов как факт городского просторечия, они активно функционируют в устном общении, особенно в речи молодежи. Например: *г. Нижний Новгород – Нижний*, *г. Арзамас – Арзык*, в нем *ул. Кирова – Кировская*, *ул. Калинина – Калининская*, *Калинка*, *ул. Кольцова – Кольцоухай* др.

Существование топонимов во времени, их судьба прослеживается и на отдельных их сторонах, признаках, в частности на таком, как мотивированность /немотивированность. На стадии образования и вхождения при условии конвенциализации в систему топоним как результат стихийной номинации имеет тесную связь с производящей и мотивирующей базой (мотивантом) и соответственно полную, безусловную, прозрачную мотивированность. Дальнейшая жизнь топонима в системе, функционирование может привести к ослаблению его связи с мотивантом, к свертыванию в памяти системы событийного ряда, приведшего в свое время к появлению топонима. В этом случае мотивированность становится неполной, непрозрачной, возможна в этом случае гипотетическая мотивация. Дальнейшее ослабление мотивационных связей приводит к их утрате, демотивации. Следующим шагом в жизни номинанты может быть неомотивация. Все это, смену ступеней в жизни единицы в свое время мы наглядно показали на материале нижегородской, окско-волжско-сурской микротопонимии [см.: 7, с. 83-103], тем самым подтвердив мысль В.А. Никонова о том, что микротопонимы представляют «пока лишь зародыши названий», а незаконченный процесс топонимизации «позволяет «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия». И еще: «<...>микротопонимия, в массе пока еще стихийная, представляет для исследователя как бы естественную топонимическую лабораторию. Для такой научной отрасли, в которой невозможен научный эксперимент, это счастливый дар» [12, с. 47].

Первоначальным объектом интереса, наблюдения и в дальнейшем описания стали географические названия и имена людей, составившие затем и объект науки *ономастики*, получившие терминологическое обозначение – *топонимы* и *антропонимы*, а соответствующие разделы *ономастики* – *топонимика* и *антропонимика*. Дальнейшее наблюдение за ИС, в частности географическими, и изучение их с применением различных методов привело к выделению внутри топонимии подтипов единиц-объектов. Прежде всего, довольно рано были выделены *гидронимы* (совокупность их – *гидронимия*). Любой объект рельефа земной поверхности стал называться *ороним* (*оронимия*). Позднее был введен термин для названия населенных пунктов – *ойконимия*. Однако еще в 60-е гг. XX в. его не было: «Для названий населенных пунктов нет особого термина. Это вызывает некоторые неудобства, впрочем, не настолько серьезные, чтобы стоило ломать голову над изобретением еще одного термина» [12, с. 43]. В середине XX в. по величине называемого объекта, диапазону функционирования, степени известности топонимы были разделены на *макротопонимы* (названия крупных физико-географических объектов, общеизвестные, имеющие широкую сферу употребления) – *микротопонимы* (названия, как правило, небольших объектов, имеющие ограниченную сферу употребления, небольшую степень известности, неофициальность, функционирующие только в устной речи при отсутствии письменной закреплённости [7, с. 79] – *мезотопонимы* (собственно топонимы, занимающие срединное положение между макро- и микротопонимами) [в целом см.: 13, с. 165-170; с. 163-164].

В последние десятилетия XX в. предстает картина значительной дифференциации, детализации топонимии по видам объектов, ее многомерная классификация. Так, гидронимы разделились на *потамонимы* (названия рек), *океанонимы* (названия океанов и их частей: морей, заливов, проливов, течений), *пелагонимы* (названия морей или их частей), *лимнонимы* (названия озер, прудов), *гелонимы* (названия болот, заболоченных мест). Деление топонимии на городскую и сельскую потребовало введения терминологического различения внутри ойконимии *астионимов* (названий населенных пунктов городского типа) и *комонимов* (названий поселений сельского типа). Путем введения терминов актуализированы и другие виды объектов – природных и антропогенных: *хороним* – название любой территории (страны, края, области, района), природно-ландшафтной, административной; к нему примыкает термин *регионим* – название того или иного региона; *инсулоним* – название острова; *дримоним* – название леса, лесного участка, бора, рощи, отдельного дерева; *дромоним* – собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного,

воздушного, дороги; *некроним* – ИС места погребения, кладбища; *эклезионим* – название места совершения обряда, места поклонения любой религии – церкви, часовни, креста, монастыря; *агрооним* – название земельного возделанного участка – пашни, поля.

Актуализации и терминологическому выделению подверглись с течением времени внутригородские топографические объекты (через ступень *астионим*), названные термином *урбаноним(ы)*, разделенные в силу своей неоднородности терминами *агороним* – название городской площади, рынка; *годоним* – название линейного объекта в городе: проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной; *ойкодомоним* – ИС здания; *хороним городской* – название части города; и др. [см.: 6]. Сейчас в этой зоне выделяется особый вид коммерческих урбанонимов, выполняющих рекламно-прагматическую функцию, – названия жилых комплексов, *неймы*, как результат нейминга – «речевой деятельности, направленной на создание оригинального, запоминающегося названия для предприятия, товаров и услуг» (Т.П. Соколова; см.: также работы Р.В. Разумова). Коммерческая направленность придает таким названиям особый статус, что отражается и в терминологии: *эргонимы*, *рекламные имена*, *рекламные урбанонимы*, *эргоурбанонимы*, *порейонимы*, *эмпоронимы* и др.

Одной из первых детальным изучением урбанонимии занялась А.М. Мезенко, обосновав свой научный интерес к ней неразработанностью данной области онимического пространства, отсутствием монографических исследований ее, а также необходимостью выполнения задачи изучения языка города, выдвинутой Б.А. Лариным еще в 20-х гг. XX в. В вопросе о статусе урбанонимов она руководствуется взглядами А.В. Суперанской, выделившей урбанонимию в отдельный разряд собственно топонимии (а не микротопонимии) и урбанонимику – специальную науку об урбанонимии как части языкового пространства города [см.: 9, с. 3-4]. В своей монографии «Урбанонимия Белоруссии» А.М. Мезенко дала подробный обзор советской и зарубежной литературы по урбанонимике, проследила историю формирования урбанонимного пространства различных городов Белоруссии, представила разносторонний анализ единиц этого пространства: с точки зрения онтологической сущности, характера объектов (годонимы, эклезионимы, хоронимы, ойкодомонимы), с точки зрения структуры (структурно-грамматические типы – атрибутивный, описательный, номинативный, нумеративный, атрибутивно-адъективный и др.), описаны здесь номенклатура и роль географических (номенклатурных) терминов; с точки зрения образования (урбанонимообразования), при этом автор отличает словообразовательный анализ урбанонимов от словообразовательного анализа апелля-

тивов и описывает в основном атрибуцию; дается и семантическая классификация: принципы и признаки номинации внутригородских объектов и особенности функционирования принципов номинации в разных урбанонимных полях – экклезионимном, ойкодомонимном, годонимном, хоронимном, при этом в пределах ойкодомонимного поля рассмотрены единицы, выполняющие различные функции, в том числе рекламную. Обобщение наблюдений за урбанонимными пространствами разных городов Белоруссии осуществлено при историческом подходе к фактическому материалу с использованием комплекса методов, в числе которых и статистический, метод количественных подсчетов. Исторический подход реализован автором и в лексикографическом описании белорусской урбанонимии XIV – начала XX вв. (с предварительной общей характеристикой структурно-грамматических урбанонимных типов XII–XIV вв.) [10]. Несомненно, работы А.М. Мезенко входят в научную классику белорусской национальной топонимики.

В особый разряд выделен и такой вид топонимов, как названия внутрисельских объектов – *виконимы* (*виконимия*), при этом обосновывается их отличие от урбанонимов и микротопонимов. В исследовании этой зоны топонимного пространства (именно как *винонимии*) заметны успехи белорусских коллег [см.: 14].

Заключение. Общая картина динамики российской топонимики представляет ее путь от отдельных наблюдений отдельных фактов до их систематизации исходя из различных классификационных признаков и в соответствии с различным диапазоном действия систем (движение от атомарного подхода к системности); от этимологического прочтения отдельных топонимов до осознания важности топонимии в целом для истории народа, языка, культуры; путь обогащения методологии, методов анализа топонимного материала, подходов к нему, на современном этапе это – когнитивизм, антропоцентризм, функционализм при сохранении традиционных – историзма и системности. Идея движения, динамичности заключена и в самом определении *российская* (топонимика). Оно предполагает разный масштаб, диапазон и науки, и самого топонимного пространства как ее объекта в соответствии с тремя периодами в истории государства: *российский* (относящийся к России как империи) – *советский* (относящийся к державе с названием Советский Союз, СССР) – *российский* (относящийся к России как Российской Федерации), или, по-другому, периоды *досоветский* – *советский* – *постсоветский*. Во всех случаях *российский* – это относящийся к изучению национальных топонимных пластов,

многонациональный, только с разным объемом многонациональности. Динамика топонимики соответствует характеру топонимного пространства страны и определяется им. Топонимия, отражая опыт поколений, сохраняя память о минувшем, тем самым выполняя кумулятивную (накопительную) и своеобразную мемориальную функции, основанные на историзме географических названий и проявляющие эту ее черту, имеет подвижный характер, причем на уровне всех явлений и единиц, в частности: типологии (от топонимов в целом до детализации урбанонимов и виконимов), принципов номинации (от отражения природных свойств географических объектов и местности до мемориальности), мотивации (от полной, безусловной, прозрачной до демотивации), деривации (от онимизации апеллятивов, атрибуции до генитивности) и другого, требующего дальнейших исследований.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Малая советская энциклопедия / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. В 10-ти т. – М., 1930-1932. – Т. 6. (МСЭ)
3. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский: В 52 т. – Изд. 2-е. – Т. 42. – М., 1956. (БСЭ)
4. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Мн., 1974.
5. Жучкевич, В.А. Общая топонимика: учеб. пособие / В.А. Жучкевич. – Мн.: Выш. шк., 1968. – 432 с.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-ое изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Климова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климова. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
8. Морохин, Н.В. Нижегородский топонимический словарь / Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.
9. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Мн.: Университетское, 1991. – 167 с.
10. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX вв. / А.М. Мезенко. – Мн.: Выш. шк., 2003. – 301 с.
11. Климова, Л.А. По Стрелецкой на Соборную / Л.А. Климова // Арзамасская сторона: просветительский журнал. – № 1-2. – 2001. – С. 66-69.
12. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1965. – 180 с.
13. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
14. Дорофеев, М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / М.Л. Дорофеев. – Мн, 2015. – 28 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.